

Когда обсуждение закончилось, все дружно вскочили с мест, а Нина даже успела выскользнуть из комнаты, потому что сидела в конце стола у двери. Гвоздиков догнал её в коридоре и загородил дорогу. Была она ладненькая и небольшого роста, что немало важно при Юриных 167.

Серые в голубизну глаза смотрели доверчиво и вопросительно.

— Ну, ребёнок, — подумал «опытный обольститель», а вслух сказал:

— Пойдём вечером в кино?

— Пойдём... — улыбнулась Нина.

После работы Юрий задержался у проходной. Он не был уверен, что Нина всерьёз отнеслась к его предложению. Но «комсомолочка», как он мысленно её назвал, уже подбегала к нему.

Пошли в ближайший кинотеатр «Варяг» — недавно построенный, с наклонной крышей, весь из стекла и бетона, с вывеской из витых древнеславянских букв. Когда свет в зале погас, Юра обнял Нину за плечи, так и просидели весь сеанс.

Потом медленно дошли до её дома, панельной девятиэтажки. Вдоль бордюра в ряд стояли жигули и запорожцы.

— Какая машина твоя? — полушутя-полусерьёзно спросил Юрий.

Нина засмеялась:

— Никакая!

— А вот у нас было всё — и дача, и машина, а теперь ничего. Отец умер, и всё отобрали.

— У тебя папа был большой начальник?

— Что-то вроде того. Ну, до свидания! — наклонился и легко, едва касаясь губами, поцеловал в щёку.

Нина взлетела на свой второй этаж, позвонила в дверь. Радость распирала её — скорее рассказать всё маме.

Засыпая, мечтала, что с завтрашнего дня начнётся новая жизнь.

Гвоздиков не был первым, кто обратил на Нину внимание. Все институтские годы по ней вздыхал парнишка из группы, признанный фотограф. О его симпатии она догадалась, когда заметила, как часто он фотографировал её на переменах, в лабораториях, на семинарах — гораздо чаще, чем других. После защиты диплома он решил и пригласил Нину погулять по майской Москве. Потом на каждое свидание Лёша приходил с цветами, вручал то сирень, то ландыши. Однажды на улице Горького их «засекли» девчонки из группы, и понеслась весть,

Надежда СТАУРИНА

ТЫСЯЧУ ЛЕТ НАЗАД

Комсорг отделения квантовых генераторов Юра Гвоздиков отчаянно скучал на заседании комитета комсомола НИИ «Меридиан». Слушал вполуха нудный голос Сергея Могильного (ну и фамилия для председателя комитета!) — что-то про подготовку к субботникам. Почувствовал на себе чей-то взгляд, поднял глаза.

— А-а-а, Нина Скворцова, комсорг отделения кольцевых лазеров, — он и раньше замечал, что она на него посматривала на заседаниях комитета. — Стрижка модная, «гаврош». Ни капли косметики. Бордовая кофточка, комсомольский значок. Смешная... но симпатичная. Может, подкатиться? На личном фронте-то сейчас вакуум.

что у Лёши с Ниной дело идёт к свадьбе. Их шатания по вечерней столице продолжались месяц или два, пока, наконец, Лёша не отважился действовать кардинально.

По его мнению, позвать Нину в кино было бы пошло: она слыла в группе знатоком литературы, особенно поэзии. Даже где-то смогла раздобыть сборник стихов Цветаевой, изданный в Оксфорде на русском языке, всем его показывала как невиданную ценность. К тому же слыла театралкой. Поэтому Лёша, чтобы не рисковать, отправился сразу к кассам Большого театра.

Как только они уселись в красные бархатные кресла, Лёша потянулся к Нине, чтобы «пригорнуть её до своего серденька», но Нина инстинктивно, не отдавая себе отчёта, резко отклонилась. Больше Лёша не звонил, понял, что гуляния и разговоры — это одно, а любовь — совсем другое.

На работе была другая напасть — Вова Булыхин из одной с Ниной лаборатории. Он ходил за Ниной как тень, но её бросало в дрожь при мысли, что его всегда обмётанные губы могут дотронуться до её лица. Однако Булыхин знал себе цену: у него был новенький красный «жигулёнок». И однажды он предложил покататься на машине по Москве. Предложение показалось Нине заманчивым. В субботу Вова подъехал к подъезду её дома и посигналил. Нина натягивала платье, а мама, выглянув в окно, увидела в проёме опущенного стекла руку водителя в ослепительно белой рубашке с золотой запонкой.

— Не пойму, чего тебе ещё надо, — проворчала мама.

Нина выскочила из подъезда, открыла заднюю дверь «жигулей» и скомандовала: «Ну, поехали!». Катались долго — по Комсомольскому проспекту, по Ленинским горам. Когда в сумерках подкатили к Нинину дому, Вова повернулся к ней и предложил выйти за него замуж.

— Мы с тобой несчастные люди, Вова! Ты влюблён в меня, а я в другого человека. И безответно. Он тоже работает в нашем институте, — Нина помолчала и не нашла ничего лучшего, как выдать избитую фразу: «Давай останемся друзьями».

На следующее утро Нина не заметила, как добежала до проходной «Меридиана». Оглянувшись, не получится ли встретиться уже здесь, но Юру не увидела, показала пропуск и скорее по лестнице в лабораторию, чтобы явиться без опоздания. Весь день ждала звонка по местному телефону, но

Гвоздиков не позвонил. Не объявился он ни на следующий день, ни через неделю.

Расстроенная Нина отправилась на третий этаж, где располагалось отделение «квантовиков», медленно прошла коридор от одного конца до другого. Некоторые двери с кодовыми замками открывались, выпуская сотрудников в белых халатах, но среди них Юрия не оказалось.

Прошла неделя, Нина кое-как успокоилась, назвав себя дурой.

Между тем Юрий, занятый работой, встречами с друзьями и бесчисленными мамиными поручениями, никак не мог зацепиться мыслью и решить, надо ли ему встречаться с Ниной:

— Какая-то наивная, а может дурочка?

Потом вспомнил мягкий овал лица, большие доверчивые глаза, припухшие нежные губы:

— Ладно! Надо сводить её в театр.

Остановился перед первой же афишей.

— Таганка и Большой отпадают — трудно достать билеты, да и оценит ли она такой подарок? Надо что-то попроще. Ага, концерт ансамбля «Берёзка» в Кремлёвском дворце съездов. То, что надо: и прилично, и незатейливо.

Места были прекрасные, партер, 5-ый ряд. Юрий надел тяжёлые очки в чёрной оправе и весь погрузился в происходящее на сцене, а бедная Нина с обожанием смотрела на его профиль, а не на сцену.

После «культпохода» Гвоздиков снова не давал о себе знать, а когда пару раз мелькнул в столовой, то отделался лёгким кивком. Нина страдала и каждый день надеялась на встречу, пусть случайную. Но приближался праздник 23 февраля, который давно стал мужским, в противовес женскому 8 марта. Это был счастливый случай, не унижая своё достоинство, повидаться с учителем Гвоздиковым. Нина решила: надо придумать такой подарок, чтобы он оценил её как личность.

В скромно обставленной квартире Скворцовых, где не было ни ковров, ни хрустали, имелась большая библиотека, собранная отцом-филологом. Нина стала искать что-нибудь редкое и необычное. Вот, пожалуй, то, что надо — Никколо Макиавелли, «Государь» и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия». О чём книга, Нина задумываться не стала, достаточно того, что Макиавелли знаменитость, а том солидно выглядит — толстый и в добротной обложке.

— Теперь — как написать поздравление?

Открытка, конечно, должна быть двойная...

На левой стороне разворота Нина написала банальное поздравление, а на правой, после некоторых раздумий — «Заповедь» Киплинга, но не в переводе, а в оригинале, на английском. Переписала из сборника английской поэзии, где каждое стихотворение было приведено на русском и на английском.

На следующее утро (23 февраля был рабочим днём) Нина особенно долго торчала у зеркала: если одежда на работе не играла большой роли, все надевали белые халаты, то причёска и макияж выступали на первый план. Едва дотерпев до 11 часов, позвонила Юре по местному. Встретились в коридоре у «квантовиков». Гвоздиков был удивлён подарком — книга довольно редкая, а когда развернул открытку и увидел написанный по-английски стих, пробормотал:

— А ты не так проста, как кажешься...

От мужского до женского праздника — две недели.

— Чем ответит Юра? — этот вопрос сильно занимал Нину.

Его предложение превзошло все её ожидания:

— Я приглашаю тебя отметить 8 марта у меня дома. Соберутся мои друзья, все с жёнами, надеюсь, тебе не будет скучно.

Невозможно передать, что творилось в душе у Нины.

— Он хочет представить меня своим друзьям! В каком качестве? Понятно — как свою девушку, более того, возможно, как потенциальную невесту. Мало ли девушек бывает, не всякую знакомят со своими друзьями, — рассуждала Нина сама с собой.

8 марта Юрий встретил Нину у метро, прошли по Комсомольскому проспекту до «сталинского» дома, называемого в народе «министерским», то есть Совминовским. Дверь открыла молодая, лет пятидесяти, женщина — Юрина мама. Окинув взглядом гостью и ответив на приветствие, она тут же ушла. Юра помог Нине раздеться и предложил пройти в комнату. Посередине стоял раздвинутый стол, уже накрытый белой скатертью и окружённый рядами массивных деревянных стульев. У раскрытого серванта, согнувшись, стояла Юрина мама, вытаскивая с нижних полок стопки тарелок.

Не зная, что сказать и как поступить, Нина робко спросила:

— Вам помочь?

— А вы уже знаете, где и что у нас лежит?

Нина оцепенела:

— Нет, я первый раз в вашей квартире...

— Ну, тогда о чем речь?

Слава Богу, в это время вошёл Юра, увёл на кухню, что-то показывал, Нина плохо понимала, о чём он говорит, — так она была ошарашена неприязнью хозяйки.

Входная дверь открывалась снова и снова, дом быстро наполнялся гостями. Все уселись за стол, во главе, как жених с невестой, сидели Юра с Ниной. Было ясно, что все давно знакомы между собой, обмениваются какими-то новостями, непринуждённо шутят. Сидевшая недалеко от Нины молодая женщина обратилась к ней:

— На майские праздники мы всей компанией (обвела стол рукой) обязательно собираемся на даче, увидишь, как будет весело!

Как приятно Нине было слышать это! Значит, Юра представил её друзьям не случайной знакомой.

Потом перешли в смежную комнату, такую же большую, как и первая, видимо, это был кабинет, потому что вдоль стен стояли книжные шкафы. За стеклом одного из них Нина увидела портрет очень пожилого человека.

— Это твой дедушка?

— Нет, это мой отец...

Завели музыку, начали танцевать. За окнами стемнело, верхний свет не включали, пары двигались в полумраке, краем глаза Нина видела, как то один, то другой из гостей показывал Юре поднятый кверху большой палец, одобряя, видимо, его выбор. Не отпуская Нину ни на секунду, обнимая, Юрий подвел её к окну.

— Видишь, светятся окна напротив? Там живут Пахмутова и Добронравов.

После праздника Юра проводил Нину до самого дома. Стоя у подъезда, впервые по-настоящему поцеловал.

Юрий ехал домой, и дурные предчувствия мучили его.

— Не мог найти из нашего круга? — встретила Юрия мать, едва он переступил порог. — Из какой она семьи?

— Мать — учительница, отец умер, ещё сестра-школьница.

— Я и говорю — голытьба. Ни одной золотой вещицы: ни колечка, ни серёжек, ни цепочки. Духи, кажется, польские, «Быть

может», у каждой второй такие. Да и то сказать, откуда французским взяться. Небось, размечталась, что будет жить в такой квартире. Не выйдет!

Юрий ушёл к себе, лежал и представлял ежедневные кухонные разборки:

— Сначала Нина будет молча плакать, потом освоится и начнёт матери отвечать, мать будет жаловаться ему. Нет, нет, нет! Только не это!

Он вспомнил Эльзу:

— Это была настоящая любовь! Но и тогда я отступил под напором матери: «Молод ещё, институт надо окончить». Так что уж говорить о Нине?! Милая девушка, влюблена в меня. А у меня есть к ней то чувство, что я испытал пять лет назад? Надо признаться себе, что нет...

— А друзьям она понравилась, и жёнам, — улыбнулся Юрий, засыпая.

Март катился к концу, а Нина не виделась с Юрием с того памятного вечера. Начались весенние школьные каникулы, мама и сестра уехали со школьниками на экскурсию в Армению. И Нина решила — русским девушкам есть с кого брать пример, спасибо Александру Сергеевичу. Писать она не стала, а позвонила Гвоздикову по служебному телефону и пригласила к себе домой «на блины». Немного поколебавшись, он согласился.

Взяв отгул, Нина затеяла дома уборку, напекла «фирменных» тонких блинчиков. Вечером, после работы, пришёл Юра. Сели в комнате за стол — чай, блины, варенье.

— Юра, мне без тебя плохо, я измучилась и решила поступить, как Татьяна Ларина, — горько пошутила Нина.

— Знаешь... Когда я с тобой в первый раз заговорил, увидел твои глаза, я понял, что отношения с тобой возможны только через двери ЗАГСа. А я к женитьбе не готов... У меня была сумасшедшая любовь с дочкой австрийского посла. Моя мать встала стеной: «только через мой труп»! Я так и остался ушибленным этой любовью. Прости меня... А блинчики у тебя замечательные, такие пекла только моя тётушка.

После его ухода Нина сидела в прострации, потом расплакалась. Сами собой сложились строчки:

*Ах, девочка-австричка,
Растаявшая льдиночка,
Как ты, не зная русского,*

Больше Юру Гвоздикова Нина никогда не встречала: слышала, что, отгуляв положенный отпуск, он уволился. На первом же после лета заседании комитета комсомола Сергей Могильный представил нового комсорга отделения квантовых генераторов — бойкую девицу с копной ярко-рыжих волос.

— Всё ясно. Отец умер, но окружение, связи остались. Вот и ушёл Гвоздик в чиновники, как только отработал нужное время, — догадалась Нина. — Ну, это к лучшему, каково было бы мне видеть его здесь раз в месяц...

Меньше года прошло, как Нина Васильевна наконец распрощалась с любимой работой. Летом мужу-пенсионеру скучно одному на даче, да и внуков грех в городе дергать.

— Правильно говорил Бурденко: «Пока ты работаешь, ты молод», — подумала Нина Васильевна, глядя в окно. — Снег мелкий, можно «выгулять» шубу... А ещё можно отправиться на любую выставку, которую в выходные посетители берут штурмом, и не мёрзнуть в очередях.

Нина Васильевна была настроена решительно: в «новой» Третьяковке уже третий месяц шла выставка Поленова, а она всё никак не могла туда выбраться.

К Василию Поленову в семье Нины отношение было особое.

Дело было так: шёл 1990-й год, сыну Мише исполнилось шесть лет, а тут «новации» — в школу стали принимать с шести вместо привычных семи лет.

— Всё вокруг рушится, меняется, и как ребёнка лучше устроить в школу? — эта мысль не давала покоя Нине.

Как многие тогда, она уповала на хорошее знание иностранного языка. («Мы же теперь с «цивилизованным человечеством» одно целое»). Но по месту жительства сын не был «приписан» ни к одной «языковой» школе. Значит, надо было «включать» все возможные связи: родителей маминых учеников, своих знакомых, друзей и коллег мужа.

Правильно говорят: «Если очень захотеть, то всё получится». Вышли-таки на учителя из французской школы им. Поленова. Школа носит имя художника, потому что стоит на месте того самого «Московского дворика». И окна классов смотрят на ту самую церковь Спаса на песках, правда, в то

время, когда учился сын, в ней располагалось отделение Союзмультифильма.

«Блат» заключался только в том, что Миша был допущен к вступительным испытаниям, а если с ними не справится, то принят не будет.

Нина учила с сыном стихи, тренировала его складывать и вычитать в пределах десяти. В назначенный день одела ребёнка «с иголки», достала туфли на высоком каблуке, ходить в которых было одно мучение, и поехала с Мишкой на Арбат.

Когда сына вызвали и за ним захлопнулась дверь кабинета, Нина припала ухом к двери. Вот Миша рассказывает «Белеет парус одинокий», вот довольно складно прочитал несколько слов, вот, немного запинаясь, сложил числа. Казалось, испытание закончено... Вдруг женский голос спрашивает:

— По улице ездят машины, троллейбусы, автобусы, трамваи. Как бы ты их все назвал одним словом?

Нина от волнения не смогла быстро сообразить, какое слово ждут от сынишки, но вдруг услышала уверенный Мишкин голос:

— Транспорт...

Нина Васильевна до сих пор удивляется, вспоминая этот случай: как ребёнок мог знать такое «взрослое» техническое слово.

Школьные годы сына даже в то лихолетье оставили у Нины светлые воспоминания: частым гостем в школе был внук художника, дети выпускали школьный журнал, летом ездили в музей-заповедник «Поленово».

Начались двухтысячные годы, сын Нины Васильевны поступил в вуз, на работе у неё и у мужа начали выплачивать зарплаты, жизнь наладилась, и когда на семейном совете решили покупать дачу, выбор не стоял — только там, на Оке, неподалёку от Поленово. Нашли подходящий дом в двадцати минутах езды от усадьбы. От Москвы далеко, но природа какая! Теперь всех родных и друзей, кто приезжает на дачу, муж или сын Нины непременно возят на машине «в гости к Поленову» — побывать в доме-музее и полюбоваться Окой с песчаным пляжем.

Спустя годы Миша повёл в ту же школу своего сына Юру.

Как только внук подрос, Нина Васильевна взяла за правило брать его с собой в музеи и на выставки. Вот и сегодня, решив отправиться «на Поленово», позвонила внуку:

— Привет, Юрасик, у тебя вчера температура была? Нет? А позавчера? Тоже нет? Тогда хватит симулировать, встречаемся на Октябрьской. Пока ты свободен, можно в будний день без очереди посмотреть всё, что написал Поленов. Мы же всего не знаем.

— Ну, ба... холодно, не хочется выходить на улицу.

— Если бы речь шла о каком-то другом художнике, я бы не приставала... но Поленов... ты же понимаешь.

Внук сдался. Нина Васильевна привычно нанесла косметику, достала французские духи, надела невесомую, но тёплую норковую шубку, посмотрела на себя в зеркало и в общем осталась довольна. Ей было важно, чтобы внук не считал её старой.

Юрка учился в шестом классе и уже перерос бабушку на целую голову. Волосы он не стриг с лета, они касались плеч, а пряди волос, бывшие когда-то чёлкой, закрывали пол-лица. Его причёска приводила бабушку в ужас, пока невестка не успокоила:

— Нина Васильевна, всё не так страшно: у них в классе несколько мальчиков наголо постриглись, оставили посередине гребень волос, поэтому Юркина причёска смотрятся вполне прилично.

— Посмели бы в наше время появиться в школе в таком виде! Да наш директор не пустил бы в школу. Он каждое утро встречал учеников на входе. Если ему попадался лохматый мальчишка, давал рубль и отправлял в парикмахерскую, — с ностальгией ответила бабушка.

Подходя к стеклянному зданию «новой» Третьяковки, Нина Васильевна с радостью увидела, что на улице «хвоста» очереди нет. Не было очереди и внутри.

— Как удачно, Юра!

— Ну, да, а то я бы замёрз, заболел и умер, а ты была бы виновата.

В первом зале всех встречал всё тот же «Московский дворик», но в двух вариантах: первый — без детей и развешенного на верёвке белья, и второй, знакомый до мельчайших подробностей, — с детьми в рубашонках, с трогательными приметами тогдашнего быта.

Залов было несколько, незнакомых картин гораздо больше, чем могла предполагать Нина Васильевна. Много пейзажей, знакомая и родная Ока в разное время года.

Дошли и до картин на религиозные темы. Нина остановилась перед полотном

«Мечты», где Иисус сидит на скале над озером, как усталый путник, и, может быть, о чём-то мечтает.

Юра скользнул глазами по картине, застывал, стал смотреть по сторонам. Вдруг оживился, кому-то помахал рукой и «отчалил» от бабушки. Нина так серьёзно всматривалась в картину, что не сразу заметила, что внука рядом нет. Посмотрела вправо, влево, — как назло, народа в зале заметно прибавилось. Чтобы не мешать другим, отошла от картины. И тут увидела в трёх шагах от себя внука, который оживлённо разговаривал с худенькой девчонкой примерно его же возраста. Волосы её, как теперь принято, разметались по плечам, свитер, джинсы в обтяжку, яркие кроссовки — всё как у всех. Рядом с ними спиной к Нине стоял невысокий пожилой мужчина, его голову обрамлял венчик коротко стриженных седых волос. Дорогой, хорошо подогнанный по фигуре костюм.

— Ю-ю-ра, — негромко позвала Нина Васильевна.

На голос одновременно обернулись и внук, и мужчина.

Нина перевела взгляд на незнакомца. Их глаза встретились, Нина поймала в его взгляде что-то знакомое. Серые холодные глаза, прямой нос, жёсткие складки между бровями и в уголках губ.

— Где я могла его видеть? — Черты его лица одновременно вызывали у Нины Васильевны смутное ощущение радости и обиды. — Да кто же это?

Юрка между тем вернулся к бабушке и уже издали помахал девчонке рукой.

Когда шли к метро, Нина Васильевна спросила:

— Кто эта девочка, с которой ты разговаривал?

— А-а-а, да это Дашка из шестого «А»...

— Из вашей школы?

— Ну, да... С дедом пришла, вернее, дед её привел, как ты меня.

— А как фамилия Даши?

— У неё смешная фамилия — Гвоздикова.

Нина Васильевна остановилась.

— Неужели это он? Разве мы так изменились, что не узнали друг друга? Или просто забыли за столько лет? — пронеслось в голове у Нины Васильевны.

— Бабушка, ты что стоишь? Тебе плохо?

— Нет, нет. Просто я когда-то, очень давно, знала Дашиного дедушку.

— Сколько лет назад?

— Лет сорок... с лишним.

— Вот это да! Как говорит дедушка, «столько не живут»...

— Дедушка у нас шутник. Живут, Юрочка, живут...

Почти такой же «допрос» проводил Юрий Александрович, сидя за рулём своей машины:

— Что за мальчик к тебе подходил?

— Юрка из параллельного класса.

— А кто эта женщина, которая его позвала?

— Бабушка, притащила его сюда, у него справка до завтра, типа болеет.

— А ты могла бы спросить у Юры, как зовут его бабушку?

— А зачем это тебе?

— Она напомнила мне девушку, с которой я работал после института. Был инженером...

— А ты был инженером? Вот не знала.

— Хотя... нет, не надо ничего спрашивать. Мне просто показалось...

Юрий Александрович завёз внучку на Арбат, где жил сын, и поехал к себе на Комсомольский проспект.

Едва за дедом закрылась дверь, Даша набрала Юркин номер:

— Юр, как твою бабушку зовут?

— Нина Васильевна. А тебе зачем?

— Дед спрашивал, ему показалось, что вроде как знал твою бабушку в молодости. Прикинь, он, оказывается, когда-то работал инженером, а я думала, что всегда в правительстве или где-то там ещё.

— Интересно получается: бабушка тоже спросила про тебя, а как услышала твою фамилию, за сердце схватилась.

Ничего себе! Похоже на детектив. Интересно, что там у них было, тыщу лет назад? Давай распутаем?

— Давай!

Поздно вечером, когда все дела были переделаны, Нина взяла томик Лермонтова и нашла строки, которые ей захотелось перечесть:

*Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой*

*и страстью безумно-мятежной!
Но, как враги,*

избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.
Они расстались
в безмолвном и гордом страданье
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла:
наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.

— Свидание, конечно, было не за гробом, но друг друга мы всё-таки не узнали, — с улыбкой подумала Нина Васильевна, на минуту снова ставшая Ниной Скворцовой.